

КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ РЕБЕНКА – 20 ЛЕТ

© 2009 г. А. М. Нечаева¹

История развития российского общества свидетельствует о том, как по мере изменения его экономических, социальных, идеологических устоев менялось и отношение к подрастающему поколению. Сначала ребенок был рабом, чьей жизнью полностью распоряжались родители. Он всецело принадлежал им как их собственность. По мере ограничения родительской власти законом неизменными оставались религиозные догмы, предписывающие полное подчинение детей родителям. “Глубочайшее” и “нижайшее” “высокопочтение” своих родителей виделось как неперемненное качество человека будущего. Конечно, господствовавший веками в России принцип сословности вносил свои изменения в видение будущего детей. Мало того, со временем еще в Своде законов гражданских Российской империи предпринимались попытки обрисовать желательный образ ребенка путем установления обязанности родителей “обращать все свое внимание на нравственное образование своих детей и стараться домашним воспитанием приготовить нравы их и содействовать видам правительства” (ст. 173)². Что же касается детей, то законодательно закрепляются только их обязанности: “оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь; служить им на самом деле, отзываться об них с почтением и сносить родительские увещания и исправления терпеливо и без ропота” (ст. 177)³. Таким образом, ранее в законах России ребенок виделся как существо безропотное, покорное и, естественно, полностью бесправное. Правда, родители уже не имели права на его жизнь, о чем специально говорилось в ст. 170 того же свода законов гражданских, но они не лишались права употреблять для исправления детей строптивых и неповинующихся домашние исправительные

меры, а при их безуспешности детей в возрасте от 10 до 17 лет отдавать для исправления в воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних (ст. 165). В наше время подобные законодательные предписания давно канули в лету, хотя проблемы семейного воспитания, как таковые, продолжают существовать. Но если по меркам прошлого ребенок – существо полностью бесправное как в семье, так и в обществе, когда нет нужды оделять его государственным вниманием, за исключением детей-сирот, опекать которых призывали не только церковь, но и государство, то в России начала XX в. несовершеннолетний начинает превращаться в объект внимания с правовой точки зрения.

Для первых лет существования Российской Федерации характерно стремление обеспечить выживание подрастающего поколения, попавшего в водоворот экономического кризиса, голода и разрухи, гражданской войны. Вместе с тем взамен сложившейся веками идеологии пришла попытка возродить новую, где без внимания не остались и дети. “Человечество ищет обновления и работу над ним, оно правильно должно начать с нового отношения к идущему на смену юному поколению”⁴.

Несмотря на бедственное положение детей первых лет образования государства так называемой новой формации мысли об их будущем нашли свое воплощение в проекте Декларации прав ребенка 1918 г., автором которой был К.Н. Вентцель. Он предназначал ее для всего Земного шара, всех народов, исходя из тезиса: “в детях скрыты все величайшие возможности”⁵, ребенок – “это естественный зародыш и зерно всех свобод”⁶. В определенном смысле эту Декларацию можно рассматривать как прообраз Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г., тем более что она отли-

¹ Главный научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор.

² См.: Свод законов гражданских. Т. X. Ч. 1. Пг., 1915. С. 165.

³ См.: там же. С. 166.

⁴ Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (Социально-правовые очерки). М., 1923. С. 6.

⁵ Вентцель К.Н. Кн. I. Освобождение ребенка. Кн. II. Декларация прав ребенка. Смоленск, 1918. С. 23.

⁶ Там же. С. 22.

чается полнотой, схожей с объемом Декларации 1918 г. Для примера можно взять лишь некоторые выдержки из ее текста:

каждый ребенок независимо от социального положения родителей имеет право на существование, то есть ему должна быть обеспечена определенная сумма жизненных условий;

каждый ребенок любого возраста – есть определенная личность. Ни в коем случае он не может считаться ни собственностью своих родителей, ни собственностью общества, ни собственностью государства⁷.

Конечно, не обошлось в Декларации 1918 г. без крайностей. Так, “каждый ребенок любого возраста имеет право выбирать себе ближайших воспитателей и отказываться и уходить от своих родителей, если они оказываются плохими воспитателями”, “каждый ребенок имеет право уклониться от того воспитания и образования, которое идет вразрез с его индивидуальностью”⁸.

Декларация о правах ребенка К.Н. Вентцеля не была удостоена внимания, не стала предметом обсуждения. Сейчас мало кто о ней знает. Что же касается законодательного отражения положения детей, то его основу составлял в то время Декрет ВЦИК и СНК РСФСР “О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния” от 18 декабря 1917 г.⁹, который провозглашал: “Дети внебрачные уравниваются с брачными относительно прав и обязанностей как родителей к детям, так и детей к родителям”. А первый семейный кодекс РСФСР – Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве¹⁰ повторял: “Никакого различия между родством внебрачным и брачным не устанавливается” (ст. 133). Сосредоточивая свое внимание на правах и обязанностях родителей, этот Кодекс провозглашал: “Родительские права осуществляются исключительно в интересах детей...” (ст. 153). Исключительность их интересов нашла свое отражение и в ст. 33 следующего по счету Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г., где говорилось о том, что родительские права осуществляются исключительно в интересах детей (ст. 33)¹¹. И наконец, Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г. будучи третьим по счету Семейным кодексом, говоря об обязанностях родителей по воспитанию своих детей, обращает внимание на содержание

таких обязанностей, которые заключаются: в воспитании своих детей; заботе об их физическом развитии и обучении; подготовке к общественно полезному труду; превращении своих детей в достойных членов социалистического общества (ст. 52)¹².

Таковы еще довольно робкие шаги к признанию, причем косвенному, прав несовершеннолетнего как в обществе, так и в семье. Причем такому признанию, которое выражается двояко: во-первых, с помощью абстрактного понятия “интересы”, во-вторых, сквозь призму родительских прав и обязанностей. Исключением служило утверждение о равенстве прав детей внебрачных с брачными по отношению к своим родителям, закрепленное в Декрете от 18 декабря 1917 г. Но оно как было, так и осталось декларативным.

Завершение Второй мировой войны породило потребность мирового сообщества в признании прав человека. В результате в 1948 г. появилась Всеобщая декларация прав человека¹³ – международный акт с единственной оговоркой: “Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой”. Но 20 ноября 1959 г., т.е. полвека тому назад, Организация Объединенных Наций принимает Декларацию прав ребенка¹⁴, где подчеркивается, что “ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения”. На необходимость такой охраны обращалось внимание еще в Женевской декларации прав ребенка 1924 г., которая отличалась краткостью. Что же касается Декларации прав ребенка 1959 г., то сформулированные в ее тексте десять принципов предельно лаконичны и не конкретизируются применительно к различным сферам жизни ребенка. Тем не менее наличие изменения отношения мирового сообщества, государства к гражданину будущего, способному сменить нынешнее поколение. По всей вероятности, стимулом для признания статуса ребенка служит не только повышенное внимание к правам человека и гражданина, но и беспокойство относительно того, что ждет ребенка, когда он станет взрослым, когда на его плечи ляжет весь груз проблем, возникающих в обществе, к решению которых он должен быть подготовлен уже сейчас, в том числе и с помощью формирования

⁷ См.: там же. С. 17.

⁸ Там же. С. 18.

⁹ См.: СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160.

¹⁰ См.: СУиР. 1918. № 76–77. Ст. 818.

¹¹ См.: СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

¹² См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1986.

¹³ См.: Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М., 1990. С. 14–20.

¹⁴ См.: там же. С. 385–388.

в нем качеств человека-гражданина. Правовым ориентиром в этом плане и стал международный акт – Конвенция о правах ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.¹⁵ “Это было удивительное событие. Огромный зал ООН, являющий собой в миниатюре весь наш мир во всем разнообразии его государственных укладов, принял Конвенцию на основе консенсуса, т.е. без голосования, всеобщим согласием. Вся процедура заняла минут двадцать, не более. Но этому предшествовали одиннадцать лет сложного, кропотливого и весьма своеобразного труда, в который каждая страна-участница вложила немало усилий”¹⁶, – труда, осуществленного под руководством известного юриста, проф. А. Лопатки.

Своеобразие Конвенции 1989 г. не только в ее полноте, но и в том, что она предназначена для всех государств независимо от степени их экономического развития, религиозной принадлежности ее граждан, их национальной, расовой принадлежности, что в значительной степени предопределяло сложность ее разработки. Налицо акт, имеющий международное значение, отражающий “наиболее полное осознание прав ребенка, принимаемое международным сообществом”¹⁷. Вместе с тем “в ней отражен компромисс между различными правовыми и философскими подходами, международными и национальными политическими интересами”¹⁸. Ее ратифицировали практически все государства мира – 192 (по состоянию на 30 января 2004 г.)¹⁹.

Соединенные Штаты Америки участвовали в создании этой Конвенции на протяжении всего процесса работы и подписали ее 16 февраля 1995 г., но до сих пор ее не ратифицировали по нескольким причинам. Во-первых, из-за сложной процедуры ратификации международных договоров; во-вторых, вследствие беспокойства противников Конвенции, которая может нанести ущерб суверенитету и системе федерализма США; в-третьих, их пониманием Конвенции как способа неограниченного вмешательства со стороны правительства в семейную жизнь, как наиболее опасной угрозы правам родителей в истории Соединенных Штатов; в-четвертых, потому, что

некоторые права детей, изложенные в Конвенции, не являются таковыми в США²⁰.

Российская Федерация ратифицировала Конвенцию 16 августа 1990 г.²¹ По времени это примерно совпало с принятием Конституции РФ, провозгласившей признание общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15). Некоторые ее положения не могли не сказаться на семейном законодательстве. К тому же без преувеличения можно сказать, что последующая модернизация семейного законодательства произошла под прямым влиянием Конвенции о правах ребенка, особенно в части, затрагивающей интересы несовершеннолетних, что нашло свое прямое отражение в новом, четвертом по счету Семейном кодексе 1995 г.²²

Прежде чем составить представление, какие положения Конвенции оказали влияние на семейное законодательство современной России, а какие еще не нашли своего отражения в его тексте, надо сказать еще об одной примечательной особенности Конвенции: государства-участники не просто провозглашают, предусматривают то или иное право ребенка, превращая его в субъекта принадлежащих только ему прав, но и “принимают все необходимые меры для защиты ребенка”, “обязуются обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия”, “обязуются уважать право ребенка”, “признают, что каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь”, “обеспечивают, чтобы ребенок не разлучался со своими родителями”, “принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка”, “обязуются защищать ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения” и т.д. Словом, государство принимает на себя роль гаранта предоставляемых ребенку прав как в семье, так и обществе. Правда, это обозначено в общем виде, но уже по конкретным направлениям жизни ребенка. Вот почему принимаемые на себя государством обязательства гарантировать то или иное право ребенка являются фундаментом для соответствующих гарантий конкретных прав ребенка, предусмотренных различными отраслями законодательства. Однако Семейный кодекс такой особенностью не отличается. Провозглашая право и не предусмат-

¹⁵ Права ребенка. Основные международные документы. М., 1992. С. 4. Конвенция вступила в силу 2 сентября 1990 г.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Кравчук Н.В. Конвенция о правах ребенка ООН как инструмент защиты семейных прав ребенка в России // Гос. и право. 2006. № 4. С. 48.

¹⁹ См.: Титова Т.А. Конвенция о правах ребенка ООН: причины отказа США от ратификации // Правоведение. 2000. С. 223.

²⁰ См.: там же.

²¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1990. № 266. Ст. 497.

²² См.: Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

ривая гарантий его обеспечения, пусть даже в общем виде, наше государство оставляет ребенка по существу без защиты, отчего особенно страдают дети, утратившие родительское попечение.

Давая общую характеристику Конвенции о правах ребенка, нельзя не задаться вопросом, какую она преследует цель: обратить внимание на бедственное положение детского населения вообще, и в особенности в некоторых государствах; способствовать усовершенствованию, в частности, семейного законодательства, которое без преувеличения можно назвать законодательством о детях, призванным обеспечивать их права и интересы. Другими словами, Конвенция, будучи международным законодательным актом, преследует и такую цель, как унификация семейного законодательства с ориентацией на лучшие для ребенка стандарты обеспечения его интересов. Вместе с тем несомненно и другое: Конвенция нацелена на будущее, является основой для шага вперед с точки зрения как ближайшей, так и отдаленной перспективы.

Анализируя текст Конвенции в сравнительном для Российской Федерации плане, легко заметить, что она содержит: общие положения; общие положения, касающиеся прав ребенка как члена общества; перечень прав несовершеннолетнего как члена семьи; перечень прав ребенка, нуждающегося в особой защите.

Данному перечню предшествует текст преамбулы, который служит своеобразным общим знаменателем всех зафиксированных в Конвенции положений, суть которых в том, что “дети имеют право на особую заботу и помощь”.

Общие положения Конвенции условно можно разделить на две группы. В одну входят предписания, предназначенные для всех несовершеннолетних детей (ребенка). Характерным примером служит ст. 6, где сказано:

государства-участники признают, что каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь (п. 1 ст. 6);

государства-участники обеспечивают в максимально возможной степени выживание и здоровое развитие ребенка (п. 2 ст. 6);

государства-участники признают право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка (п. 1 ст. 27).

Право на жизнь каждого человека провозглашает ст. 3 Всеобщей декларации прав человека.

Конвенция воспроизводит подобного рода право применительно к ребенку. Отсюда сложность проблемы – разрешать или запрещать аборт, и, что не менее важно, какой должна быть классификация действий женщины, освобождающейся от новорожденного путем его выбрасывания на погибель. Что же касается обеспечения выживания и здорового развития ребенка, то здесь делается оговорка: “в максимально возможной степени”. Следовательно, речь идет не о категорическом предписании, что практически невозможно и зависит от бедности и богатства страны, существующих сословных различий, степени материальных возможностей государства и т.п. Такая оговорка неизбежна, так как п. 2 ст. 6 Конвенции предназначен для разных государств мира. Но служить в качестве своеобразного ориентира государственной политики по отношению к детям данная правовая норма может и должна. То же самое можно сказать о п. 1 ст. 27 Конвенции. Но при этом нельзя не обратить внимания на п. 2 данной статьи следующего содержания: “Родитель(и) или другие лица, воспитывающие ребенка, несут основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для развития ребенка”. Учитывая особенности экономического, социального положения современной России, нужно добавить: при поддержке государства, в задачи которого входит повышение жизненного уровня семей с детьми, ребенка, рост заработной платы родителей, борьба с безработицей и т.п. До тех пор пока постановка или хотя бы частичная реализация такой задачи применительно к детям не будет претворена в жизнь, п. 1, 2 ст. 27 Конвенции для Российской Федерации представляют особую трудность. Но попытки как-то приблизиться к ее положениям предпринимались и предпринимаются. Так, в 1996 г. был принят Федеральный закон “О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей”²³, а в 1998 г. – Федеральный закон “Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации”²⁴. Но оба Закона являются декларативными и практически остаются без внимания. Кроме того, они не всегда учитываются в правоприменении.

Конечно, в наше время более активно, чем прежде, идет процесс весьма действенной защиты прав ребенка во всех сферах его жизни, в том числе в области социального обеспечения, образова-

²³ См.: Собрание законодательства РФ. 1996. № 52. Ст. 5880.

²⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 1998. № 32. Ст. 3802.

ния, здравоохранения. Но пока что это – только робкие шаги по решению проблем колоссального масштаба. Причем встречаются разного рода препятствия, включая коммерциализацию различного рода служб, призванных оказывать помощь детям безотносительно к их социальному статусу. И, конечно, шагом назад в деле расширения возможностей по выживанию и оздоровлению ребенка стал Федеральный закон “О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации...” № 122 от 22 августа 2004 г.²⁵, возложивший все заботы о ребенке, требующие финансирования, на субъектов РФ. В результате, с одной стороны, довольно слабое реальное правовое обеспечение интересов ребенка, который в том нуждается, с другой – катастрофическое положение дел в действительности.

Отсюда вывод: ст. 6, 27 Конвенции остаются без должного внимания и понимания, являясь образцом далеко не для всех, кто действительно озабочен судьбой будущих поколений.

Вторая группа общих предписаний Конвенции специально предназначена для всех тех, кто так или иначе непосредственно связан с необходимостью охраны прав ребенка. Сюда входят государственные и частные учреждения (организации), суды, административные и законодательные органы, различного рода службы (п. 1 ст. 3, п. 3 ст. 3 и др.). Когда же речь идет о защите экономических, социальных, культурных прав ребенка (ст. 4), то принимаются меры в максимальных рамках имеющихся у государства ресурсов, а “в случае необходимости – в рамках международного сотрудничества”.

В Российской Федерации немало учреждений и организаций всех уровней, участвующих в защите прав ребенка. То же самое можно сказать об общественных организациях. Но действуют они чаще всего несогласованно, что умаляет их роль в защите прав ребенка. Вместе с тем п. 3 ст. 56 Семейного кодекса РФ содержит правило, обязывающее должностных лиц организаций и иных граждан, которым станет известно об угрозе жизни или здоровью ребенка, о нарушении его прав и законных интересов, сообщать об этом в Орган опеки и попечительства по месту фактического нахождения ребенка. При получении таких сведений Орган опеки и попечительства обязан принять необходимые меры по защите прав и законных интересов ребенка. Речь, таким образом, идет о призыве: не проходите мимо детей, нуждающихся в помощи! Действенности подобного

рода обращения должны более активно служить средства массовой информации.

К правам ребенка как члена общества Конвенция относит право пользоваться благами социального обеспечения, включая социальное страхование, для чего государства-участники принимают необходимые меры для достижения полного осуществления этого права в соответствии с их национальным законодательством (п. 1 ст. 26). К сказанному добавляется: “эти блага по мере необходимости предоставляются с учетом имеющихся ресурсов и возможностей ребенка и лиц, несущих ответственность за содержание ребенка, а также любых соображений, связанных с получением благ ребенком или от его имени” (п. 2 ст. 26). Налицо правила, никак не сдерживающие усилия как государства, так и семьи по обеспечению интересов, прав несовершеннолетнего. Они устанавливаются каждым государством, в том числе и Российской Федерацией.

К числу прав ребенка-гражданина относится и такое важное для него право, как право быть равноправным со всеми другими детьми без какой-либо дискриминации, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального, этнического или социального происхождения, имущественного положения, состояния здоровья и рождения ребенка, его родителей или законных представителей или каких-либо иных обстоятельств (п. 1 ст. 2), что относится к бесспорным положениям. Иначе обстоит дело с правами ребенка в сфере семейных правоотношений. При отсутствии зарегистрированного брака родителей мать не может предъявить иск о взыскании алиментов на ребёнка. Рожденный в незарегистрированном браке, он не имеет права на получение пенсии по случаю смерти своего фактического отца и т.д. А если учесть, что количество детей, чьи родители в браке, зарегистрированном в установленном законом порядке, не состоят, составляет примерно треть детского населения, то станет ясно, что существует проблема, требующая своего разрешения согласно п. 1 ст. 2 Конвенции.

К числу наиболее существенных прав ребенка как члена общества относится право на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения и средствами лечения болезней и восстановления здоровья (п. 1 ст. 24). В более лаконичном виде подобного рода положение, касающееся любого гражданина, в том числе несовершеннолетнего, зафиксировано в п. 1 ст. 41 Конституции РФ. Обеспечивается дан-

²⁵ См.: Собрание законодательства РФ. 2004. № 35. Ст. 3607.

ное право нормами административного права, регулируемыми правоотношения по оказанию медицинских услуг. Семейный кодекс РФ ограничивается указанием на обязанность родителей (ч. 1 п. 1 ст. 63), опекунов (попечителей) (ч. 1 п. 6 ст. 148¹) заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Но не всегда они могут выполнить подобного рода обязанности. На это направлены данные мероприятия по усовершенствованию службы здравоохранения, касающегося детей. Что же касается п. 1 ст. 41 Конвенции, то она пока что для России носит больше декларативный характер.

В разряд наиболее значимых для ребенка прав Конвенция относит его право на образование. С целью обеспечения такового на основе равных возможностей вводится, в частности, бесплатное и обязательное начальное образование; поощряется развитие различных форм среднего образования, как общего, так и профессионального, обеспечивается его доступность для всех детей и принимаются такие необходимые меры, как введение бесплатного образования и предоставление в случае необходимости финансовой помощи; обеспечивается доступность высшего образования для всех на основе способностей каждого с помощью всех необходимых средств; принимаются меры по содействию регулярному посещению школ и снижению числа учащихся, покинувших школу, и др.

Перечисленные способы реализации прав на образование находят свое отражение в ст. 43 Конституции РФ, а также в Федеральном законе «Об образовании»²⁶. Что же касается предпосылок реализации права на образование применительно к несовершеннолетним детям, то они далеки от требований Конвенции по целому ряду причин, в том числе из-за коммерциализации образования, которое для неимущих слоев детского населения становится недоступным, а зачастую даже непривлекательным. Предпринимаемые усилия по соблюдению ст. 28 Конвенции, посвященной праву ребенка на образование, ст. 43 Конституции РФ, предусматривающей аналогичное право каждого гражданина, пока осязаемых результатов не дали и быстро дать не смогут.

Говоря о праве ребенка на образование, трудно не заметить крайне важное для понимания его интересов положение, напрямую касающееся цели

Конвенции, как таковой, ради достижения которой предусматриваются права несовершеннолетних любого государства во всех сферах их жизни, безотносительно к их социальному, семейному статусу. Речь идет о содержании ст. 29 Конвенции, провозглашающей цели Конвенции, которые должны быть направлены «на развитие личности, талантов и умственных и физических способностей ребенка в их самом полном объеме». Достижению этой цели служит право ребенка на: сохранение своей индивидуальности (п. 1 ст. 8); свободное выражение своих взглядов по всем вопросам, затрагивающим интересы ребенка (п. 1 ст. 12) (правда, осуществление такого права принадлежит ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды); свободное выражение своего мнения с некоторыми ограничениями, предусмотренными законом (п. 1 ст. 13); свободу мысли, совести и религии (п. 1 ст. 14); свободу ассоциации и свободу мирных собраний. Исключения составляют ограничения, установленные законом и необходимые для охраны государственной безопасности, общественного порядка, нравственности и здоровья населения или защиты основных прав и свобод других лиц (п. 1, 2 ст. 15).

В Российской Федерации перечисленные права применительно ко всем гражданам, включая несовершеннолетних, находят свое отражение в ст. 28–31 Конституции РФ и частично, применительно к семейно-правовой сфере, в ст. 57 Семейного кодекса РФ.

Воздействие Конвенции на Семейный кодекс 1995 г. переоценить невозможно. Повторяя не вызывающие возражения, оправдавшие себя на практике положения, сориентированные на соблюдение прав ребенка в семье, отдельные статьи Семейного кодекса РФ подверглись некоторой коррекции, уточнению, соответствующим духу и содержанию Конвенции. Речь идет о праве ребенка на заботу со стороны своих родителей (п. 1 ст. 7), праве несовершеннолетнего вопреки его желанию не разлучаться со своими родителями (п. 1 ст. 9), праве ребенка, который разлучается с одним или обоими родителями, на общение с ними на регулярной основе, за исключением случаев, «когда это противоречит наилучшим» его интересам (п. 3 ст. 9). Закрепленная в ее тексте идея приоритета интересов ребенка, пронизывающая все ее положения, находит конкретное выражение и в статьях Семейного кодекса РФ, где говорится о способах разрешения конфликтов, связанных с судебными спорами о детях. Причем, Конвенция не игнорирует сложной связи между родителями

²⁶ Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 30. Ст. 1797 (с изм. и доп., внесенными Федеральным законом от 6 июля 2006 г.).

и ребенком, делая акцент на принципе “общей и одинаковой ответственности обоих родителей за воспитание и развитие своих детей”, которая именуется “основной ответственностью” родителей за воспитание и развитие своих детей. При этом подчеркивается, что “наилучшие интересы ребенка являются предметом их основной заботы” (п. 1 ст. 18). Свое буквальное отражение названных положений Конвенции легко найти в разд. IV Семейного кодекса РФ “Права и обязанности родителей и детей”. Исключение составляет его ст. 47, рассматривающая в качестве основания возникновения прав и обязанностей родителей и детей два факта – происхождение ребенка и его последующее удостоверение в установленном законом порядке.

И наконец, прямое отражение влияния Конвенции на семейное законодательство современной России – появление в Семейном кодексе ранее неизвестной ему главы, специально посвященной только ребенку. Она так и называется “Права несовершеннолетних детей” и как в зеркале отражает принципиально важные положения, определяющие статус ребенка в семье. Признанию особой роли семьи в его развитии (преамбула Конвенции) соответствует право ребенка жить и воспитываться в семье (ст. 54 Семейного кодекса РФ); право несовершеннолетнего на общение с родителями (родителем), родственниками, закрепленное в ст. 9, п. 2 ст. 10 Конвенции, соответствует тому, что предусмотрено ст. 55 Семейного кодекса РФ. Пункт 2 ст. 2 и 19 находит свое подтверждение в ст. 56 СК РФ, которая, естественно, касается лишь семейно-правовой сферы. То обстоятельство, что ребенок с момента рождения имеет право на имя (п. 1 ст. 7 Конвенции), повторяется в ст. 58, 59 Семейного кодекса РФ. Что же касается имущественных прав ребенка, то Конвенция не включает их в сферу своего внимания.

Заметное внимание Конвенция уделяет детям, которые нуждаются в особой защите по разным причинам. К ним относятся:

ребенок, временно или постоянно лишившийся своего семейного окружения (п. 1 ст. 20 Конвенции). Он обеспечивается государством в соответствии со своими национальными законами путем, в частности, передачи на воспитание, “кафалы” по исламскому праву, усыновления или, в случае необходимости, помещения в соответствующее учреждение по уходу за детьми (п. 2, 3 ст. 20 Конвенции). Российское семейное законодательство включает в свой текст специальный раздел, названный “Формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей”. К ним относятся усы-

новление, опека (попечительство), передача на воспитание в приемную семью, что предусмотрено федеральным законодательством. А субъекты РФ вправе использовать иные формы устройства детей, лишившихся родительского попечения, в семью, заменяющую родительскую. В отличие от ранее действовавшей редакции Семейного кодекса 1995 г., этот раздел подвергся изменениям в соответствии с Федеральным законом “Об опеке и попечительстве” от 22 апреля 2008 г.²⁷, после чего устройству осиротевших детей в предназначенные для них организации уделяется особое внимание, что по своей сути противоречит Конвенции, отдающей предпочтение семейному устройству;

ребенок-инвалид, которому согласно п. 3 ст. 21 Конвенции должен быть обеспечен доступ к услугам в области образования, профессиональной подготовки, медицинского обслуживания, к восстановлению здоровья, подготовке к трудовой деятельности и доступу к средствам отдыха таким образом, который приводит к наиболее полному (по возможности) вовлечению ребенка в социальную жизнь и достижению развития его личности, включая культурное и духовное развитие. К сказанному ст. 23 Конвенции добавляет: “Неполноценный в умственном или физическом отношении ребенок должен вести полноценную и достойную жизнь в условиях, которые обеспечивают его достоинство, способствуют его уверенности в себе и облегчают его активное участие в жизни общества” (п. 1 ст. 23 Конвенции). При этом отмечается, что для ребенка, помещенного компетентными органами на попечение с целью ухода за ним, его защиты или физического либо психического лечения, важно иметь в виду, что он имеет право на периодическую оценку его лечения и всех других условий, связанных с таким попечением (ст. 25 Конвенции). В Российской Федерации нет специального закона, посвященного правам детей-инвалидов. Но в ст. 18, 19 Федерального закона “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации”²⁸ обращается внимание на их воспитание, обучение и образование. В наше время стало заметно внимание государства к данной категории детей;

ребенок-беженец, нуждающийся в получении статуса беженца или уже имеющий этот статус, нуждается в оказании ему помощи в поиске родителей или других членов своей семьи с тем, чтобы он мог с нею воссоединиться. “В тех случаях, когда родители или другие члены семьи не могут быть найдены, этому ребенку предостав-

²⁷ См.: Собрание законодательства РФ. 2008. № 17. Ст. 1756.

²⁸ См.: Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

ляется такая же защита, как и любому другому ребенку, по какой-либо причине постоянно или временно лишенному своего семейного окружения” (ст. 22 Конвенции). В Российской Федерации действует Закон “О беженцах”²⁹. Специально о правах детей-беженцев здесь речи не идет. Но в п/п. 5 п. 2 ст. 17 данного Закона говорится о содействии лицу, ходатайствующему о признании беженцем или признанному беженцем, не достигшему возраста 18 лет и прибывшему на территорию Российской Федерации без сопровождения взрослых или опекунов, в поисках места проживания родителей либо иных родственников. Кроме того, согласно п. 2 ст. 17 названного Закона органы, уполномоченные на осуществление функций контроля и надзора в сфере миграции, направляют свою информацию о возможностях и условиях содержания и обучения детей лица, признанного беженцем. Несомненно, этого недостаточно для защиты прав ребенка, оказавшегося без родителей или заменяющих их лиц на территории Российского государства. Тем не менее такой ребенок имеет право на устройство по фактическому месту обнаружения, что следует из ч. 2 п. 1 ст. 122 Семейного кодекса РФ, обязывающей Орган опеки и попечительства обеспечить защиту прав и интересов любого ребенка, попавшего в категорию детей, лишившихся родительского попечения. Однако на практике нередко имеет место отказ в защите прав ребенка-беженца, не имеющего российского гражданства. Не случайно поэтому Комитет по правам ребенка ООН в своих рекомендациях еще по второму по счету докладу Российской Федерации о положении детей обращает внимание на то, что такую практику следует рассматривать в качестве негативного явления в политике Российского государства³⁰.

Конвенция содержит более широкий перечень прав ребенка, чем их количество в действительности. Однако перечисленные здесь в сравнительном плане его права относятся к числу наиболее значимых в наше время. Чтобы они не носили абстрактного характера, государства – участники Конвенции представляют каждые пять лет отчет о состоянии дел по защите прав ребенка. Последний, третий по счету, был рассмотрен на 40-й сессии Комитета по правам ребенка, состоявшейся 30 сентября 2005 г. в Женеве³¹, где были

сделаны заключительные замечания по докладу Российской Федерации о положении детей и обращено внимание («выражена обеспокоенность») по поводу некоторых ситуаций, касающихся прав ребенка. При этом отмечалось, что подобные рекомендации давались и ранее по первому и второму докладом России. По третьему докладу было рекомендовано обеспечить всеобъемлющую и эффективную координацию национальной стратегии по защите прав детей; уделять особое внимание к сбалансированному распределению ресурсов по всей стране, предназначенному для детей. И в этом плане серьезно рассмотреть вопрос о коррупции в данной сфере и принять необходимые меры к ее недопущению. Одновременно обращается внимание на негативные последствия Федерального закона № 122, устанавливающего процесс децентрализации защиты прав ребенка, допускающего неравенство в отношении осуществления и защиты прав детей. В рекомендациях по третьему докладу Комитет ООН по правам ребенка вновь обращает внимание на положение беспризорных детей, количество которых в России растет. Отсутствие систематической всеобъемлющей стратегии борьбы с беспризорностью затрудняет, по мнению Комитета, защиту их прав. К числу его рекомендаций относится также решение проблемы с дискриминацией детей-инвалидов. Их направление в интернаты допустимо лишь в случае, если это соответствует интересам ребенка. Не осталась без внимания Комитета и проблема сокращения числа детских воспитательных учреждений для осиротевших детей. Несмотря на предпринимаемые попытки ее решить Российская Федерация сделать этого не смогла. К тому же даются рекомендации относительно принятия необходимых мер для оказания поддержки и материальной помощи необеспеченным семьям, чтобы реализовать право всех детей на достойный уровень жизни, что имеет для России особую актуальность.

Таков далеко не полный перечень рекомендаций, адресованных международной организацией Российской Федерации. Все они преследуют главную цель – дать возможность развиваться еще незрелой личности гражданина будущего. Полностью придерживаться этих рекомендаций в условиях современной России не так просто, но необходимо. И надо надеяться, что к 14 сентября 2012 г. – дате представления четвертого и пятого (объединенных) докладов состояние дел по защите прав ребенка в Российской Федерации изменится в лучшую сторону.

²⁹ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 12. Ст. 425 (с изм. и доп., внесенными Федеральным законом от 23 июля 2008 г., вступившими в силу с 1 января 2009 г.).

³⁰ См.: *Кравчук Н.В.* Указ. соч. С. 52.

³¹ Организация Объединенных Наций. Distr. General. CRC/C/RUS/CO/3. 23 November 2005.